

УДК 398.1

ОБРАЗ НАИБА АХБЕРДИЛ МУХАММЕДА КАК ИДЕАЛЬНОГО ГЕРОЯ В ФОЛЬКЛОРЕ О КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

М. Р. Халидова

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье рассматривается образ прославленного наиба Ахбердил Мухаммеда, представленного в дагестанском фольклоре в эпических традициях в качестве идеального героя.

The image of the famous naib Ahberdil Muhammed, presented in the Daghestan folklore in epic traditions as an ideal hero, is examined in the article.

Ключевые слова: Кавказская война; Ахбердил Мухаммед; наиб; эпический герой; идеальный герой; символическое значение; предание; мотив испытания героя.

Keyword: Caucasian war; Ahberdil Muhammed; naib; epic hero; ideal hero; symbolical sing; legend; motive of trial of a hero.

По сформировавшимся этнокультурным традициям определяющими критериями идеального героя северокавказских, в том числе и дагестанских народов являются мужественность, верность дружбе, сдержанность, воздержанность в еде, благородное отношение к женщине. Кавказская война выдвинула плеяду выдающихся личностей, олицетворяющих храбрость, мужество. В образах Шамиля, Ахбердил Мухаммеда, Хаджи-Мурата из Хунзаха, Бук-Магомеда Гази-Кумухского в наибольшей степени проявляются представления о нормативной мужественности идеального героя.

Среди героев Кавказской войны особо выделяется прославленный наиб из Хунзаха Ахбердил Мухаммед, оставшийся до конца искренним и верным сподвижником имама Шамиля. Вот как характеризует его генерал Е.А. Головин в письме к военному министру Чернышеву от 28 августа 1842 г.: «Шамиль под названием имама считается главою и духовным властителем. Первым после него признается Ахверды-Магома, долженствующий заступить на его место (Шамиля. – М. Х.) в случае его смерти» [1].

Талант Ахбердил Мухаммеда как умелого военачальника особенно проявился, когда он стал наибом Малой Чечни. Донесения тех лет (1840, 1841, 1842 гг.) свидетельствуют, что Чечня под руководством Ахбердил Мухаммеда непрерывно наносила удары царским войскам. В 1840 г. Ахбердил Мухаммед, талантливый полководец, был возведен в чин мудира (равноценный званию генерала).

Ахбердил Мухаммед принимал активное участие в защите крепости Ахульго летом 1839 г. Он прибыл туда на помощь имаму Шамилю со своим отрядом, сформированным из аварцев и чеченцев. При отходе из Ахульго Шамиль не оставил его с защитниками крепости, а взял с собой. Вполне вероятно, что он не хотел терять преданного наиба. Как свидетельствует летописец событий Кавказской войны Мухаммед Тахир аль-Карахи, перед уходом из Ахульго Ахбердил Мухаммед при свидетелях поклялся Шамилю: «Клянусь Аллахом! Ты не умрешь в эту ночь». После того у Ахбердил Мухаммеда спросили: «Почему ты так поклялся?» Он ответил: «Я видел сновидение: как будто огромный поток воды залил Ахульго и тех, кто находился на нем. Однако я, Шамиль и немногие товарищи вылетели оттуда на чиркатинскую дорогу и причем совершенно не затронутые потоком. Я растолковал его так: “Мы спасемся, а те, кто остался на Ахульго, – погибнут”» [2].

Шамиль высоко ценил своего отважного и верного наиба. На вопрос горцев, почему он так верит человеку «со стороны»*, Шамиль ответил: «Он мне дан со стороны пророком Мухаммедом. Я имею в друзьях только тех, кто превосходит меня в мужестве, чести и достоинстве» [3].

По другому аварскому преданию, якобы российский император спросил у Шамиля: «Кто у тебя был из тех, который наиболее радовал твое сердце?» Шамиль ответил: «Хириясул Али-

* Здесь имеется в виду, что Ахбердил Мухаммед являлся «сыном племянника прозелита-мусульманина... из армян Ахвердовых (см.: [2, с. 31]).

бег и Ахбердил Магома». «А в чем выражался их подвиг?» «Самый малый подвиг был тот, что снаряд неприятеля, готовый разорваться около моих горцев-воинов, они отбрасывали прочь, опережая друг друга, не задумываясь о смертельной опасности» [4]. Здесь для характеристики героических наивов используется устойчивый фольклорный прием – восторженная оценка имама Шамиля своих сподвижников, в действительности очень сдержанного и скупого на похвалу.

Для исторических преданий вообще и преданий об Ахбердил Мухаммеде в частности характерна «синкретическая» правда, т.е. соединение действительности и вымысла. При этом вымысел не всегда улавливается. Так, по преданию, бытующему в с. Андых Шамильского района, образ отважного Ахбердил Мухаммеда дается через восприятие пленных солдат. «Как-то имам Шамиль спросил у солдат:

- Кого вы из наших больше всех боитесь?
- Того, кто в большой папахе и с громким голосом, – ответили солдаты» [5].

Сюжетобразующим мотивом северокавказских преданий нередко выступает определение в противоборстве победителя, им оказывается тот герой, молва о героических деяниях которого «ходит по свету». В дагестанском фольклоре этот мотив присущ в основном преданиям о Шамиле, Хаджи-Мурате («Шамиль и Хаджи-Мурат», «Шамиль и Воронцов», «Секрет мужества», «Хаджи-Мурат и чеченец» и т.д.). В них, как правило, герои не идут на осложнение отношений со своими соперниками и вопрос о первенстве, превосходстве в мужестве решают миролюбиво. Так, по преданию, Шамиль не вступает в конфликт со своим соперником, хотя ему и не по душе «громкая слава» Ахбердил Мухаммеда. В отличие от него известные герои некоторых северокавказских преданий не могут смириться «с громкою славой и известностью» (Н.Ф. Дубровин) соперников, и между ними, как правило, неизбежен конфликт [6].

В обрисовке Ахбердил Мухаммеда посредством изображения его необычайной силы, мощи голоса, внешности ощущается влияние эпической традиции. Так, в предании «Устрашающий голос Ахбердил Мухаммеда» отважный наиб перед сражением в ярости подкидывал вверх большую папаху, при этом произносил своим громовым голосом «зикру». Здесь Ахбердил Мухаммед подобен эпическому герою, устрашающему врагов мощью своего голоса. А читаемое им «зикру» еще сильнее вселяло в них страх. То, что он шел в бой с «зикру» на устах, было естественно для правоверного мусульманина, каковым являлся наиб. И если герой погибал с упоминанием Аллаха, такая смерть воспринималась как праведная.

Воздействие голоса Ахбердил Мухаммеда, громко читающего «зикру», было настолько сильным, что потрясло даже одного русского солдата. И это нашло отражение в его воспоминаниях, сохранившихся в фольклоре с. Андых. «Мне хотелось лучше умереть, – признается он, – чем услышать еще раз этот голос» [7].

Эта особенность голоса Ахбердил Мухаммеда напоминает устрашающий врагов страшный свист Соловья-разбойника из восточнославянских былин. Приписывание герою голоса исключительной силы имеет древнюю традицию, известную у многих народов. Так, например, голосом, равносильным голосу пятидесяти человек, наделен в древнегреческом эпосе (в «Илиаде») Стентор, который уступает по силе голоса только Гермесу – глашатаю Зевса [8].

Стереотипным для эпического героя в известном смысле является также и гиперболизация физической силы Ахбердил Мухаммеда. По традиции эпических произведений для подчеркивания мощи наива он сравнивается с прославленным наивом Хаджи-Муратом. По преданию, каждый день он убивает по 100 врагов, больше, чем Хаджи-Мурат [9].

Мощь Ахбердил Мухаммеда подчеркивается и атрибутами его внешности. Так, магическое воздействие на врагов имела большая папаху наива, подкидываемая им вверх перед сражением. Аналогичная гиперболизированная форма обрисовки необычайной силы героя наблюдается и у адыгов. Так, в сильном гневе волосы у Андемиркана встают дыбом, отчего приподнимается шапка [10].

Рассмотрим, как реальные жизненные устремления наива переданы в предании через его необычайные способности: поедание им непомерно много пищи (мяса). Рассказывают, что, когда Ахбердил Мухаммед был в с. Батлук муталимом, он довольствовался толокняной мукой, разведенной водой в небольшой посуде, размером с чернильницу. Во время же газавата он съедал полтуши барана. «Как-то у него спросили:

- Как тебя понять, раньше ты довольствовался толокняной мукой, а теперь съедаешь полтуши барана?
- Когда я питался толокном, я только учился, а теперь, если бы я мог, съел бы баранью тушу, чтобы мои руки стали сильными, чтоб одним махом могли разрубить сразу двух врагов газавата» [11].

В процессе развития народной исторической прозы образ отважного наиба Ахбердил Мухаммеда наделяется чертами идеального героя, восходящими в своей основе к древним нравственным понятиям горцев. По фольклорным традициям герой должен совершить ряд подвигов, деяний, чтобы стать признанным, значимым. Идет процесс своеобразной корректировки исторической личности. И в результате высокая героика, мужественность, сдержанность, стойкость, благородство по отношению к женщине, религиозное благочестие, милосердие к врагу – характерные качества идеальных героев, находят своеобразное выражение в преданиях об Ахбердил Мухаммеде.

Эти качества идеальных героев выявляются, как правило, в преданиях посредством испытания Ахбердил Мухаммеда – мотив, типологически общий для дагестанских и северокавказских фольклорных произведений (аварские предания «Проделки шутников», «Бедняга, что ты здесь делаешь?», «Ахбердил Мухаммед – дибир Нижнего Батлуха» и т.д.).

Ахбердил Мухаммеду было восемнадцать лет, когда его назначили дибиром с. Нижний Батлук. По преданию «Проделки шутников», батлукцы, недовольные установленными им порядками, искали повод, чтобы вынудить молодого дибера уехать из селения. Как-то молодые ребята явились ночью на кладбище в нижнем белом белье и, спрятавшись за памятниками, стали жалобно стонать. Не обращая внимания на проделки «покойников», Ахбердил Мухаммед продолжал невозмутимо читать Коран в своей палатке. Тогда ребята начали раскачивать памятники. Ахбердил Мухаммед на это спокойно сказал: «Ребята, шли бы вы спать, если вам нечего делать». Пристыженные юноши ушли оттуда со словами: «Железное сердце у этого Ахбердил Мухаммеда».

После этого случая джамаат с. Нижний Батлук признал Ахбердил Мухаммеда и оказывал ему особое уважение [12].

Предание «Бедняга, что ты здесь делаешь?» также построено на мотиве испытания героя. И в нем обыгрывается железная выдержка Ахбердил Мухаммеда, поражающая даже таких неординарных личностей, как легендарный Хаджи-Мурат. Рассказывают, что как-то на Гунибской горе, когда Ахбердил Мухаммед молился в пещере, злопыхатель запустил к нему змею, и она взобралась ему на плечо. Ахбердил Мухаммед погладил ее и промолвил:

«– Бедняга, что ты здесь делаешь?»

Тогда, говорят, Хаджи-Мурат сказал:

– Сталью, наверно, залито сердце его!» [13]

Неслучайно среди хунзахцев бытует выражение, приписываемое Ахбердил Мухаммеду: «Я боюсь только Аллаха на небесах, больше никого не боюсь» («Дун хИнкъулев чи вуго цо ГIад вугев Аллагъ, токIав лъикъаго хИнкъуларо»).

Мотив испытания идеального героя Ахбердил Мухаммеда своеобразно раскрывается и в предании «Ахбердил Мухаммед – дибир Нижнего Батлуха».

Решив испытать моральную стойкость красавца дибера, батлукцы уговорили молодую красавицу явиться к дибиру на рассвете, когда он читал Коран. Как только девушка стала объясняться ему в своих чувствах, Ахбердил Мухаммед молча протянул пальцы рук над пламенем светильника. Пораженная девушка воскликнула:

– Что ты делаешь, ты что, с ума сошел?

– Я не сошел с ума, я просто проверяю силу огня, – спокойно ответил Ахбердил Мухаммед. – Если я не в состоянии вытерпеть, как обугливаются пальцы от пламени маленького светильника, как же я выдержу муки адского огня, подавшись своему чувству! [14].

По мусульманским воззрениям, прелюбодеяние – грех, и согрешивший его может попасть в ад, о чем в поучительной форме и говорится в приведенном предании. Соблазнение чарами красавиц – характерный фольклорный прием испытания нравственности идеального героя. О тщетных попытках красавиц обольстить имама Гамзатбега повествуется и в аварском предании «Испытание Гамзата».

По фольклорным традициям сюжетобразующей основой преданий об исторических деятелях, в частности об Ахбердил Мухаммеде, могут служить подвижные сюжетные структуры, мотивы, эпизоды, характерные для более ранних народных произведений. Особенно показательны в этом плане предания «Наиб без пальца» [15], «Такой дорогой подарок не возьму» [16] и близкое к сказке предание «Повесть о дженгутайце и чеченце» [17]. Эти произведения сходны в композиционном построении, в главных звеньях сюжета. Их различают персонажи, отдельные эпизоды, в частности концовки произведений. В целом в них верность дружбе, достоинство, честь горцев возводятся в ранг наивысших нравственных категорий, соотносящихся с заветами старины. Носителями традиционно благородных черт в названных произведениях выступают как главные герои – Ахбердил Мухаммед и дженгутаец, так и их друзья – чеченцы. Будучи верными горским обычаям куначества, каждый из них может пожертвовать глубоко личным.

Так, по преданию «Наиб без пальца» наиб Ахбердил Мухаммед встретил в Чечне у родника девушку чарующей красоты. Мотив «встречи юноши и девушки у родника» имеет символическое знамение создания семьи. Этот мотив, особенно характерный для поэтических (свадебных) произведений и волшебных сказок, переходит в позднейшем и в предания.

Здесь чеченец, спутник Ахбердил Мухаммеда, идеально выполняющий роль второго лица, друга героя, не раздумывая, уступает ему свою невесту. На другой же день Ахбердил Мухаммед уехал с засватанной невестой из Чечни. Друг чеченец проводил их до самой границы.

Раньше в Дагестане, говорят, был обычай: где бы горец ни взял девушку в жены, он не имел права прикоснуться к ней, пока не сыграет свадьбу в своем доме. Поэтому Ахбердил Мухаммед ехал верхом на коне, а его будущая жена – в фаэтоне. Во время привала наиб заглянул в фаэтон и увидел там смеющуюся девушку. Ему показалось, что она насмехается над ним.

Разозлившись на нее, коснувшись пальцем ее спины, он спросил:

– Ты почему смеешься надо мной?

Девушка ответила, что она до сих пор плакала, у нее от слез иссохли глаза, теперь она стала смеяться. Затем она поведала наибу, что на днях на ней должен был жениться чеченец, друг наива, которого она очень любит.

Ахбердил Мухаммед тут же отрезал палец со словами: «Мне ни к чему палец, прикоснувшись к невесте друга». Они поскакали назад в Чечню и, как положено идеальному герою, он женил друга на его невесте. Возможно, таким образом дается фольклорное возвышенно-романтическое объяснение, почему Ахбердил Мухаммеда называли в народе «Килиш гьечIев наиб» («Наиб без пальца»).

«Тема верности дружбе в смысле соблюдения святости и целомудрия личных отношений, в особенности в проявлении к женщине, – отмечал А.А. Ахлаков, – весьма распространена на всем Северном Кавказе – от Дагестана до берегов Черного моря» [18]. Этот мотив прослеживается в поэзии, преданиях вплоть до совпадений в деталях. Так, в сказании «Два парня» (балкар.) герой в подтверждение целомудрия также отрубает себе палец [19].

Возможно, обычай отрезания пальца, коснувшегося чужой невесты, восходит в своей основе к древнейшему кавказскому свадебному ритуалу, сохранившемуся до наших дней у черкесов, согласно которому только жених имел право дотронуться до невесты и разрезать кожаный пояс на груди, который она носила со дня инициации.

В более позднее время ношение девушкой плоского пояса на груди связано с мусульманскими традициями, согласно которым следовало скрывать грудь, чтобы не искушать мужчин.

На сюжет предания «Наиб без пальца» Расул Гамзатов создал поэму «Четырехпалая рука», в которой Ахбердил Мухаммед изображается как носитель высокой нравственности, верности долгу, дружбе, чести. Как верно подметил К.И. Абуков, «когда у многих распатана мораль – в душе Гамзатова рождается ностальгия, сосущая тоска по большой дружбе, по долгу чести, по ничем не запятнанной совести» [20]. Это высказывание вполне можно отнести и к его поэме «Четырехпалая рука», в которой он, обращаясь к нашим современникам, с болью в душе говорит:

Если бы мужчины гор
К дружбе, чести и любви
Относились до сих пор,
Как наиб Ахбердилав... [21].

И по преданию «Как Ахбердил Мухаммед женил Хаджи-Мурата», Ахбердил Мухаммед также предстает как идеальный, благородный герой, уважающий как чувства своей невесты – красавицы Сану, так и друга – Хаджи-Мурата. Он говорит ему: «Сану больше подходит тебе, женись на ней, я благословляю вас» [22].

Как установил Ю.У. Дадаев, в основу предания «Наиб без пальца» и поэмы Р. Гамзатова «Четырехпалая рука» легли действительные события. Не случайно же наиб Ахбердил Мухаммед и его друг и соратник чеченец Батуко из Шатоя похоронены рядом. «Самым удивительным и приятным для нас было то, – пишет Ю.У. Дадаев, – что за могилами двух друзей – шамилевских наивов вот уже более 60 лет ухаживает праправнук Батуко, 93-летний ветеран войны и труда Ахтаев Жунид, проживающий в селении Гушкорт, прямо перед кладбищем, где похоронены Ахбердил Мухаммад, Батуко и их потомки» [23].

Ахбердил Мухаммед изображается, по преданиям, мужественным, умелым военачальником, непримиримым к противникам. Особенно наглядно его суровость к врагам проявляется в предании «Переговоры Шамиля с царским генералом» [24]. При завершении переговоров

генерал* протянул руку Шамилю для пожатия. Ахбердил Мухаммед, стоящий позади Шамиля, резко отвел протянутую в ответ руку имама, сказав при этом категорически: «Имаму правоверных нельзя подавать руку гяуру».

Ахбердил Мухаммед был также суров и к тем, кто необоснованно пытался скомпрометировать приверженцев ислама. Так, по приказу Шамиля в 1842 г. он прибыл в с. Игали для умирения группы горцев, действовавшей на стороне царских войск. «Словом и саблей» он установил порядок в этом селении. Во время тактического отхода войск имама глашатай одного из сел крикнул: «Исламские войска обратились в бегство». Ахбердил Мухаммед с риском для жизни возвратился назад, поймал глашатая и казнил его [25].

В то же время в народном восприятии образ Ахбердил Мухаммеда многогранен. В преданиях высвечены и такие черты, как веротерпимость, благородство, отражающие исламские нравственные понятия горцев. Они нашли своеобразное выражение в предании «Отмена жесткого обычая». Рассказывают, что во время Кавказской войны среди отдельных горцев и казаков бытовал жестокий обычай обезглавливания убитых врагов для получения вознаграждения. Этот обычай перестал существовать после случая, имевшего место в Чечне. Как-то после сражения на поле боя остались тела убитых русских. Ахбердил Мухаммед отправил ночью отважных воинов в русский лагерь за священником для того, чтобы он совершил христианский погребальный обряд над убитыми русскими солдатами перед захоронением их горцами. Возвратившись назад, священник поведал своим о благородном поступке предводителя горцев. Пораженные русские поклялись, что отныне и они не будут обезглавливать убитых горцев [26].

Религиозное милосердие воспринимается по канонам ислама как проявление нравственности, как терпимость к другой религии. Здесь обобщенно-идеализированный герой Ахбердил Мухаммед предстает как глубоко верующий человек, проявляющий уважение к представителю другого вероисповедания.

Надо отметить, что в этом предании изображены реальные события, происшедшие после боя, в Гехинском лесу (Чечне), после этого сражения Ахбердил Мухаммед запретил своим воинам отрубать головы убитым русским [27].

Обычай принесения головы сраженного врага находит широкое отражение и в народных произведениях адыгов [28]. Один из наиболее жестоких военачальников русской армии Г.Х. Засс, как отмечает адыгский фольклорист А.М. Гутев, «насаживал отрубленные черкесские головы на колья и выставлял их на обозрение или же отправлял черепа ученым-антропологам для исследования» [29].

Как известно, такие черты, как терпение, стойкость (сабру), смирение перед тяготами судьбы, являются идеальной нормой в моральном кодексе ислама. Образ Ахбердил Мухаммеда как правоверного мусульманина наделяется этими чертами. Так, по преданию «Помилование Ахбердил Мухаммеда», плененного наиба приговорили к смертной казни через повешение. Накинув петлю на шею, Ахбердил Мухаммед обратил взор на небеса и промолвил:

Дуй гурони хЕеличЮ,
ХІал бугесе кЪуличЮ,
Лаиллагъа иллалагъ,
МухІамад расуллулагъ.

Только тебе (Аллах) я угождал,
Не льстил перед могущественными,
Нет бога кроме Аллаха,
Мухаммед – посланник Аллаха.

Царский военачальник, покоренный праведностью и смиренным достоинством приговоренного к смерти Ахбердил Мухаммеда, отпустил его, но с условием, если тот в течение пятнадцати дней сможет содержать его войско. Узнав об этом, хунзахцы тут же прислали много еды, скота [30].

Будучи наибом в Малой Чечне, Ахбердил Мухаммед пользовался огромным уважением среди чеченцев. Об этом повествуется в предании «Магомедил Дибир – сборщик податей». Зная почтительное отношение чеченцев к Ахбердил Мухаммеду, Шамиль отправил туда сборщика податей Магомедил Дибира (в это время у обнищавших горцев подати собирали с трудом). Тот застал чеченцев в трауре, оплакивающих гибель прославленного наиба Ахбердил Мухаммеда. Видя, что разговор не клеится, Магомедил Дибир стал также на аварском языке горестно причитать по погибшему, начиная и завершая каждое четверостишие именем Ахбердил Мухаммеда.

После того, как запас причитаний иссяк, Магомедил Дибир, увидев, с каким вниманием и благодарностью слушают его окружающие, и поняв, что надо продолжать, стал вспоминать

* Имеется в виду генерал Клюки фон-Клюгенау.

своих односельчан. Но каждое четверостишие по-прежнему начиналось и заканчивалось упоминанием имени Ахбердил Мухаммеда.

Ахъбердил МухАмад – нугъаяб гъалбацI,
Аргъваниса Якъуб – КъолокIил гъобол,
Къуралиса ШагIбан – ШабагIил гъобол,
Ахъбердил МухАмад – нугъаяб гъалбацI.

Ахбердил Мухаммед – отважный лев,
Якуб из Аргвани – гость Колока,
Шахбан из Курали – гость Шабаги.
Ахбердил Мухаммед – отважный лев.

Растроганные таким уважительным отношением к памяти своего любимца, полагая, что Магомедил Дибир сочинил прекрасный плач, чеченцы отдали ему все, что смогли, из продуктов [31].

Царское командование пристально следило за ростом влияния чеченского наиба Ахбердил Мухаммеда. Оно осознавало, что это не прежний вспыльчивый «хунзахский абрек», а «выдающийся военачальник и администратор» [32], авторитет для горцев. 29 января 1841 г. Е.А. Головин отправил секретное предписание П.Х. Граббе, в котором предлагал выделить 2 тыс. рублей серебром «на истребление Ахберды Магомы, а исполнение дела сего... возложить на генерал-майора Ольшевского» [33]. «Нет сомнения, – писал Е.А. Головин, – что через уничтожение этого предприимчивого сподвижника Шамиля мы избавились бы от одного из самых опаснейших его орудий и успокоение Чечни было бы тогда делом гораздо менее затруднительным» [34].

По донесению пристава горских народов князя Авалишвили, Ахбердил Мухаммед 12 июня 1843 г. близ с. Шатели был «тяжело ранен в спину выше лопатки пулей, которая осталась у него внутри» [35]. По хевсурским преданиям, Ахбердил Мухаммеда выманил будто бы на переговоры и нанес ему смертельную рану молодой шатилец, который поклялся отомстить за гибель своих близких от пашек мюридов. Ахбердил Мухаммед сумел нанести ему смертельную рану, отступил в горы, взяв пленных и уведя большое количество скота. По другой версии, Ахбердил Мухаммеда убил горец по имени Чванта, подкупленный шатильскими старшинами [36].

18 июня 1843 г. Ахбердил Мухаммед скончался. На следующий день начальник левого фланга Кавказской линии генерал майор Р.К. Фрейгат доносил А.И. Нейдгардту: «Смерть Ахверды Магомы имеет сильное влияние на чеченцев, и они упали духом» [37].

Имам Шамиль лишился в лице Ахбердил Мухаммеда верного сподвижника, «выдающегося военачальника», умелого честного администратора, преемника. Его уважали даже противники. Генерал Гагарин писал: «В Малой Чечне он (Шамиль. – М.Х.) в наибы назначил Ахверди Магому, набегамы своими страшного всему Тереку, но доброго и благородного человека. Во всех важных случаях этот храбрый воин был правая рука Шамиля» [38].

На смерть Ахбердил Мухаммеда скорбно откликнулся известный русский революционер П.Н. Ткачев:

Еще одним их меньше стало,
Убыл еще из их кружка! ...
На этот раз судьба избрала
Свободы лучшего бойца [39].

Таким образом, прославленный наиб Ахбердил Мухаммед, оставивший неизгладимый след в истории края, изображен в фольклорных произведениях как идеальный герой. В его образе ярко представлены эпические черты (мужество, храбрость, отвага, исключительная сила, высокий рост, громкий голос и т.д.), идущие из глубины традиций и служащие для позднейшей народной исторической прозы в качестве «строительного материала». Вместе с тем здесь наблюдается и стремление к индивидуализации, мотивированности действий и поступков народного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. Махачкала, 1959. С. 292.
2. *Мухаммед-Тахир аль-Карахи*. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / коммент. пер. Т. Айтберова. Ч. 1. Махачкала, 1990. С. 80.
3. Цит. по: *Абдулатипов Р.* Знамение судьбы. М., 1998. С. 103.
4. Аварские сказания и сказки в переводе Багадура Маллачиханова // Рукоп. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 111. Л. 5–6.
5. Записано нами в 2009 г. в г. Махачкале от К. Дибирова из с. Андых Шамильского р-на Республики Дагестан.
6. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Кн. 1. С. 219.

7. Записано нами в 2008 г. в г. Махачкале от К. Дибирова.
8. *Криничная Н.А.* Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л.: Наука, 1988. С. 154.
9. Записано нами в 2008 г. в г. Махачкале от З. Думалаева из с. Андых.
10. *Ципинов А.А.* Народная историческая проза адыгов. Нальчик, 2000. С. 61.
11. Записано нами в 2009 г. в г. Махачкале от З. Думалаева.
12. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. Махачкала, 1997. С. 65.
13. Записано нами в 2009 г. в г. Махачкале от К. Дибирова.
14. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. С. 64–65.
15. Там же. С. 66.
16. Истина. 1995. 14 янв. С. 4. (На авар. яз.).
17. Аварские сказки / сост. *М. Саидов, У. Далгат*. М., 1965. С. 77–80.
18. *Ахлаков А.А.* Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. С. 51.
19. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору: Тексты. Переводы. Комментарии. Словарь / под ред. *А.Ю. Бозиева*. Нальчик, 1962. С. 107–108.
20. *Абуков К.* Клятва горца: послесловие // Гамзатов Р. Клятва землей. М., 1990. С. 219.
21. Там же. С. 47–48.
22. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. С. 66–67.
23. *Дадаев Ю.* Ахбердил Мухаммад – знаменитый наиб Шамиля. Махачкала, 2009. С. 155.
24. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. С. 42.
25. *Айтберов Т., Газиев З.* Мухаммед, сын Ахбердила // Даг. правда. 1990. 26 мая.
26. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. С. 65–66.
27. *Карпеев И.* Наиб Ахбердила // Родина. 2000. № 1. С. 3.
28. *Ципинов А.А.* «Культурный герой» в мифо-эпической традиции адыгов // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. С. 110.
29. *Гутов А.М.* Историческая память народа // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 18.
30. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. С. 67.
31. Записал А. Черчиев в 1980 г. в с. Могох Гергебильского района от Т. Юсупова, 1910 г. р.
32. *Карпеев И.* Указ. соч. С. 4.
33. Цит. по: *Карпеев И.* Указ. соч. С. 4.
34. Цит. по: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. С. 292.
35. Цит по: *Карпеев И.* Указ. соч. С. 6.
36. *Айтберов Т., Газиев З.* Указ. соч.
37. Цит по: *Карпеев И.* Указ. соч. С. 7.
38. Военный сборник. 1906. № 2. С. 36–37.
39. *Ткачев П.Н.* Собр. соч. М., 1975. Т. 1. С. 560.

Поступила в редакцию 24.09.2012 г.
Принята к печати 18.03.2014 г.